

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ 2
КЛАССА

Иван Захарович Суриков
Борис Степанович Житков
Владимир Фёдорович Одоевский
Иван Андреевич Крылов
Владимир Иванович Даль
Ганс Христиан Андерсен
Иван Саввич Никитин
Сергей Владимирович Михалков
Валентина Александровна Осеева
Александр Сергеевич Пушкин
Народное творчество (Фольклор)
Шарль Перро
Алексей Константинович Толстой
Михаил Михайлович Пришвин
Виктор Юзефович Драгунский
Хрестоматия для 2 класса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69607717

Аннотация

Хрестоматия для 2 класса

Содержание

Ганс Христиан Андерсен	5
Виталий Валентинович Бианки	10
Владимир Иванович Даль	12
Виктор Драгунский	17
Тайное становится явным	17
Сергей Александрович Есенин	22
Борис Степанович Житков	24
Иван Андреевич Крылов	26
Виктор Владимирович Лунин	27
Сергей Владимирович Михалков	29
Мой Щенок	29
Быль Для детей	32
Иван Никитин	50
Владимир Одоевский	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Хрестоматия для 2 класса

Ганс Христиан Андерсен Пятеро из одного стручка

В стручке сидело пять горошин; сами они были зелёные, стручок тоже зелёный, ну, они и думали, что и весь мир зелёный; так и должно было быть! Стручок рос, росли и горошины; они принаравливались к помещению и сидели все в ряд. Солнышко освещало и пригревало стручок, дождик поливал его, и он делался всё чище, прозрачнее; горошинам было хорошо и уютно, светло днём и темно ночью, как и следует. Они всё росли да росли и всё больше и больше думали, сидя в стручке, – что-нибудь да надо же было делать!

– Век, что ли, сидеть нам тут? – говорили они. – Как бы нам не зачерстветь от такого сидения!.. А сдаётся нам, есть что-то и за нашим стручком! Уж такое у нас предчувствие!

Прошло несколько недель; горошины пожелтели, стручок тоже пожелтел.

– Весь мир желтеет! – сказали они, и кто ж бы им помешал говорить так?

Вдруг они почувствовали сильный толчок: стручок был сорван человеческой рукой и сунут в карман, к другим стручкам.

– Ну, вот теперь скоро нас выпустят на волю! – сказали горошины и стали ждать.

– А хотелось бы мне знать, кто из нас пойдёт дальше всех! – сказала самая маленькая. – Впрочем, скоро увидим!

– Будь что будет! – сказала самая большая.

– Крак! – стручок лопнул, и все пять горошин выкатились на яркое солнце. Они лежали на детской ладони; маленький мальчик разглядывал их и говорил, что они как раз пригодятся ему для стрельбы из бузиновой трубочки. И вот одна горошина уже очутилась в трубочке, мальчик дунул, и она вылетела.

– Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто может! – закричала она, и след её простыл.

– А я полечу прямо на солнце; вот настоящий-то стручок! Как раз по мне! – сказала другая. Простыл и её след.

– А мы куда придём, там и заснём! – сказали две следующие. – Но мы таки до чего-нибудь докатимся! – Они и правда прокатились по полу, прежде чем попасть в бузиновую трубочку, но всё-таки попали в неё. – Мы дальше всех пойдём!

– Будь что будет! – сказала последняя, взлетела кверху, попала на старую деревянную крышу и закатилась в щель как раз под окошком чердачной каморки.

В щели был мох и рыхлая земля, мох укрыл горошину; так она и осталась там, скрытая, но не забытая господом богом.

– Будь что будет! – говорила она.

А в каморке жила бедная женщина. Она ходила на подён-

ную работу: чистила печи, пилила дрова, словом исполняла всякую тяжёлую работу; сил у неё было довольно, охоты работать тоже не занимать стать, но из нужды она всё-таки не выбивалась! Дома оставалась у неё её единственная дочка, подросток. Она была такая худенькая, тщедушная; целый год уж лежала в постели: не жила и не умирала.

– Она уйдёт к сестрёнке, – говорила мать. – У меня ведь их две было. Тяжеленько было мне кормить двоих; ну, вот господь бог и поделил со мною заботу, взял одну к себе! Другую-то мне хотелось бы сохранить, да он, видно, не хочет разлучать сестёр!

Но больная девочка всё не умирала; терпеливо, смиренно лежала она день-деньской в постели, пока мать была на работе.

Дело было весной, рано утром, перед самым уходом матери на работу. Солнышко светило через маленькое окошечко прямо на пол, и больная девочка посмотрела в оконце.

– Что это там зеленеет за окном? Так и колыхнется от ветра!

Мать подошла к окну и приотворила его.

– Ишь ты! – сказала она. – Да это горошинка пустила ростки! И как она пошла сюда в щель? Ну, вот у тебя теперь будет свой садик!

Придвинув кроватку поближе к окну, чтобы девочка могла полюбоваться зелёным ростком, мать ушла на работу.

– Мама, я думаю, что поправлюсь! – сказала девочка ве-

чером. – Солнышко сегодня так пригрело меня. Горошинка, видишь, как славно растёт на солнышке? Я тоже поправлюсь, начну вставать и выйду на солнышко.

– Дай-то бог! – сказала мать, но не верила, что это сбудется.

Однако она подпёрла зелёный росток, подбодривший девочку, небольшою палочкой, чтобы он не сломался от ветра; потом взяла тоненькую верёвочку и один конец её прикрепила к крыше, а другой привязала к верхнему краю оконной рамы. За эту верёвочку побеги горошины могли цепляться, когда станут подрастать. Так и вышло: побеги заметно росли и ползли вверх по верёвочке.

– Смотри-ка, да она скоро зацветёт! – сказала женщина однажды утром и с этой минуты тоже стала надеяться и верить, что больная девочка её поправится.

Ей припомнилось, что девочка в последнее время говорила как будто живее, по утрам сама приподнималась на постели и долго сидела, любясь своим садиком, где росла одна-единственная горошина, а как блестели при этом её глазки! Через неделю больная в первый раз встала с постели на целый час. Как счастлива она была посидеть на солнышке! Окошко было отворено, а за окном покачивался распутившийся бело-розовый цветок. Девочка высунулась в окошко и нежно поцеловала тонкие лепестки. День этот был для неё настоящим праздником.

– Господь сам посадил и взрастил цветочек, чтобы обод-

рить и порадовать тебя, милое дитяtko, да и меня тоже! – сказала счастливая мать и улыбнулась цветочку, как ангелу небесному.

Ну, а другие-то горошины? Та, что летела, куда хотела, – лови, дескать, кто может, – попала в водосточный жёлоб, а оттуда в голубиный зоб и лежала там, как Иона во чреве кита. Две ленивицы ушли не дальше – их тоже проглотили голуби, значит и они принесли немалую пользу. А четвёртая, что собиралась залететь на солнце, упала в канаву и пролежала несколько недель в затхлой воде, пока не разбухла.

– Как я славно раздобрела! – говорила горошина. – Право, я скоро лопну, а уж большего, я думаю, не сумела достичь ни одна горошина. Я самая замечательная из всех пяти!

Канавка была с нею вполне согласна.

А у окна, выходявшего на крышу, стояла девочка с сияющими глазами, румяная и здоровая; она сложила руки и благодарила бога за цветочек гороха.

– А я всё-таки стою за мою горошину! – сказала канавка.

Виталий Валентинович Бианки

Музыкант

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

– Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услышал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился: «Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» – да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под

деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» – как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук, – медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходит мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёргал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзинн!..»

Колхозник спросил старика:

– Ну что, убил медведя?

– Нет, – ответил старик.

– Что ж так?

– Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщеплённом грозой дереве.

Владимир Иванович Даль

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

– А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

– Что ж будешь делать – нет, так и взять негде.

Однако старик принес комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Вошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики – пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну – глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

– Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули ее, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотечко, стал ее нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растет Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Все шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

– Жученька, Жучок, беленькие ножки, шелковый хвостик, пусти в хлевушек погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила ее туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила.

Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

– Иди, – говорит, – куда хочешь, а мне ты в сторожа не

годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть.

Отпустили ее старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про все позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод набрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать – никто ей не откликнется. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идет медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

– О чем, девица, о чем, красная?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Слезай, – сказал медведь, – я тебя домой доведу!

– Нет, медведь, – отвечала девочка Снегурочка, – я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Медведь ушел.

Бежит серый волк:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Слезай, – сказал волк, – я доведу тебя до дому!

– Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Волк ушел. Идет Лиса Патрикеевна:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорехонько, я тебя до дому доведу!

– Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя – ты меня к волку заведешь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

– Гам, гам, гам! – залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

– Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь – девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести,

я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушняком своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, ее лобызала, все личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнем, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все ее боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Виктор Драгунский

Рассказ из сборника «Денискины рассказы»

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей!

Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я

взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверное, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошёл к окну, и поглядел вниз. – А ещё интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость в окно!

– Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

– Ах, не выливаете?! – язвительно рассмеялся милицио-

нер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: «Пострадавший!»

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он, как вошёл, сразу стал заикаться.

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... Жжёт... Как же я пошлю своё... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

Сергей Александрович Есенин

«Поет зима, аукает...»

Поет зима, аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.
А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.
Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.
И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная

Красавица весна.

[1910-?]

Борис Степанович Житков

Храбрый утёнок

Каждое утро выносила хозяйка полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, из сада вылетала большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убежали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекусает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала.

После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять.

Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила: «Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят».

Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, маленький утёнок Алёша.

Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

– Ну и храбрецы! – сказал он. – Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

– Ты хвастаешь, – сказали утята. – Завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

– Ну, смотрите, – сказал смелый Алёша, – сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он это сказал, как вдруг зажужжала стрекоза.

Прямо сверху она полетела на тарелку.

Утята хотели бежать, но Алёша не испугался.

Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу за то, что он спас их от стрекозы.

Иван Андреевич Крылов

Лебедь, щука и рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

* * *

Однажды Лебедь, Рак, да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Виктор Владимирович Лунин

Я и Вовка

Хотели мы с Вовкой пойти в кино.
Мы это решили давным-давно.
Но тут Серёжка позвал его,
И Вовка бросил меня одного.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы – друзья!

Хотели мы с Вовкой в поход пойти.
Уже собрались мы с ним почти,
Но Петька его позвал гулять,
И Вовка бросил меня опять.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы – друзья!

Хотели мы с Вовкой пойти в музей.
Меня торопил он: «Скорей, скорей!»
Но тут Олег заскочил в наш класс,
И Вовка с ним убежал тотчас.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы – друзья!

Вчера я за партой один сидел,
Сидел и на Вовку с мольбой глядел.
Но Вовке всё было трын-трава.
Взглянул на меня он едва-едва.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы – друзья!

А нынче я снова счастливым был.
Нет, нет! Мой Вовка меня не забыл!
Сказал он мне: «Витька! Ты бы не мог
Пойти сегодня со мной на каток?»

И сразу я,
И сразу я
Воскликнул: «Конечно!
Ведь мы – друзья!»

Сергей Владимирович Михалков

Мой Щенок

Я сегодня сбилась с ног —
У меня пропал щенок.
Два часа его звала,
Два часа его ждала,
За уроки не садилась
И обедать не могла.

В это утро
Очень рано
Соскочил щенок с дивана,
Стал по комнатам ходить,
Прыгать,
Лаять,
Всех будить.

Он увидел одеяло —
Покрываться нечем стало.

Он в кладовку заглянул —
С мёдом жбан перевернул.

Он порвал стихи у папы,
На пол с лестницы упал,
В клей залез передней лапой,
Еле вылез
И пропал...

Может быть, его украли,
На верёвке увели,
Новым именем назвали,
Дом стеречь
Заставили?

Может, он в лесу дремучем
Под кустом сидит колючим,
Заблудился,
Ищет дом,
Мокнет, бедный, под дождём?
Я не знала, что мне делать.
Мать сказала:
– Подождём.

Два часа я горевала,
Книжек в руки не брала,
Ничего не рисовала,
Всё сидела и ждала.

Вдруг
Какой-то страшный зверь
Открывает лапой дверь,

Прыгает через порог...

Кто же это?

Мой щенок.

Что случилось,

Если сразу

Не узнала я щенка?

Нос распух, не видно глаза,

Перекошена щека,

И, впиваясь, как игла,

На хвосте жужжит пчела.

Мать сказала: – Дверь закрой!

К нам летит пчелиный рой. —

Весь укутанный,

В постели

Мой щенок лежит пластом

И виляет еле-еле

Забинтованным хвостом.

Я не бегаю к врачу —

Я сама его лечу.

Быль Для детей

Эту быль пишу я детям...

* * *

Летней ночью, на рассвете,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских
Это значит – против нас.

Он хотел людей свободных
Превратить в рабов голодных,
Навсегда лишить всего.
А упорных и восставших,
На колени не упавших,
Истребить до одного!

Он велел, чтоб разгромили,
Растоптали и сожгли
Всё, что дружно мы хранили,
Пуще глаза берегли,
Чтобы мы нужду терпели,

Наших песен петь не смели
Возле дома своего,
Чтобы было всё для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих,
Для крестьян и для рабочих
Ничего!

"Нет! – сказали мы фашистам,
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом "брот".
Мы живём в стране Советской,
Признаём язык немецкий,
Итальянский, датский, шведский
И турецкий признаём,
И английский, и французский,
Но в родном краю по-русски
Пишем, думаем, поём.

Мы тогда лишь вольно дышим,
Если речь родную слышим,
Речь на русском языке,
И в своей столице древней,
И в посёлке, и в деревне,
И от дома вдалеке.
Где найдётся в мире сила,
Чтобы нас она сломила,
Под ярмом согнула нас

В тех краях, где в дни победы
Наши прадеды и деды
Пировали столько раз?"

И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки.
Встали, с русскими едины,
Белорусы, латыши,
Люди вольной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чуваша
Все советские народы
Против общего врага,
Все, кому мила свобода
И Россия дорога!

И, когда Россия встала
В этот трудный грозный час,
"Всё – на фронт!" – Москва сказала.
"Всё дадим!" – сказал Кузбасс.
"Никогда, – сказали горы,
Не бывал Урал в долгу!"
"Хватит нефти для моторов,
Помогу!" – сказал Баку.
"Я богатствами владею,
Их не счесть, хоть век считай!
Ничего не пожалею!"

Так откликнулся Алтай.

"Мы оставшихся без крова
В дом к себе принять готовы,
Будет кров сиротам дан!"
Обездоленных встречая,
Казахстану отвечая,
Поклялся Узбекистан.

"Будет каждый верный воин
И накормлен и напоен,
Всей страной обут, одет".

"Всё – на фронт!" – Москва
сказала.

"Всё! – страна ей отвечала.
Всё – для будущих побед!"

* * *

Дни бежали и недели,
Шёл войне не первый год.
Показал себя на деле
Богатырский наш народ.
Не расскажешь даже в сказке,
Ни словами, ни пером,
Как с врагов летели каски
Под Москвой и под Орлом.

Как, на запад наступая,
Бились красные бойцы
Наша армия родная,
Наши братья и отцы.
Как сражались партизаны.
Ими Родина горда!
Как залечивают раны
Боевые города.

Не опишешь в этой были
Всех боёв, какие были.
Немцев били там и тут,
Как побили – так салют!
Из Москвы салюты эти
Были слышны всем на свете,
Слышал их и друг и враг.
Раз салют, то значит это
Над какой-то крышей где-то
Снова взвился красный флаг.

Посмотри по школьной карте,
Где мы были в феврале?
Сколько вёрст прошли мы в марте
По родной своей земле?
Здесь в апреле мы стояли,
Здесь войска встречали май,
Тут мы столько пленных взяли,
Что попробуй подсчитай!
Слава нашим генералам,

Слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым
Пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закалённым!

Слава павшим и живым,
От души спасибо им!
Не забудем тех героев,
Что лежат в земле сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ – за нас с тобой.

* * *

Где бы мы врага ни били,
Где бы враг ни отступал,
Вспоминал всегда о тыле
Наш солдат и генерал:
"Да!
Нельзя добить фашистов
И очистить мир от них
Без московских трактористов,
Без ивановских ткачих,
Без того, кто днём и ночью
В шахтах уголь достаёт,
Сеет хлеб, снаряды точит,
Плавит сталь, броню куёт".

Не расскажешь в этой были
Всех чудес о нашем тыле,
Видно, времечко придёт,
И о тружениках честных,
Знаменитых, неизвестных
Сложит песни наш народ.
Без ружья и без гранаты
И от фронта в стороне
Эти люди, как солдаты,
Тоже были на войне.
Никогда мы не забудем
Их геройские дела.
Честь и слава этим людям
И великая хвала!

* * *

Друг за дружкой, пешим строем,
По камням и по траве
Гонят пленных под конвоем,
Гонят к матушке Москве.
Их не десять и не двадцать,
Их не двести пятьдесят
Может армия набраться
Офицеров и солдат.

Облаками пыль клубится
Над дорогой фронтовой...
Что невесело вам, фрицы?
Что поникли головой?
Вы не ждали, не гадали
Ни во сне, ни наяву
Только так, как мы сказали,
Попадёте вы в Москву.

Мимо вас везут трофеи
В наши русские музеи,
Чтобы людям показать,
Чем вы нас хотели взять.
А навстречу мчат машины
Наших доблестных полков.
– Далеко ли до Берлина?
Вам кричат с грузовиков.

Облаками пыль клубится...
По дорогам, там и тут,
Душегубы и убийцы
Под конвоем в плен идут...
Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...
Продолжаю детям быть!

Под победный грохот пушек
В грозовые эти дни
В море, в небе и на суше
Мы сражались не одни.

Руки жал бойцам английским
Русской армии солдат,
А далёкий Сан-Франциско
Оказался так же близко,
Как Москва и Ленинград.
С нами рядом, с нами вместе,
Как поток, ломая лед,
Ради вольности и чести
И святой народной мести
За народом встал народ.

– Мы, – сказали югославы,
Не уступим нашей славы!
Нам под игом не бывать!
И словаки заявили:
– Нашу волю задавили!
Как же нам не воевать!
Откололись от Берлина
Итальянцы и румыны:
– Хватит драться за Берлин!
Неохота и болгарам
Погибать за немца даром:
– Пусть ко дну идёт один!

Будет жить француз в Париже,
В Праге – чех, в Афинах – грек.
Не обижен, не унижен
Будет гордый человек!
Города вздохнут свободно

Ни налётов, ни тревог!
Поезжай куда угодно
По любой из всех дорог!..

* * *

Спать легли однажды дети
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете
В окнах свет и нет войны!
Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налётов не бояться,
И ночных тревог не ждать.

Отменили затемненье,
И теперь на много лет
Людам только для леченья
Будет нужен синий свет.
Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!

На груди у всех медали,
А у многих – ордена.
Где они не побывали

И в какие только дали
Не бросала их война!

Не расскажешь в этой были,
Что за жизнь они вели:
Как они в Карпатах стыли,
Где рекой, где морем плыли,
Как в восьми столицах жили,
Сколько стран пешком прошли.

Как на улицах Берлина
В час боёв нашли рейхстаг,
Как над ним два верных сына
Русский сын и сын грузина
Водрузили красный флаг.

От Берлина до Амура,
А потом до Порт-Артура,
Что лежит у тёплых вод,
Побывали на Хингане,
Что всегда стоит в тумане,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Говорит сосед соседу:
– Как домой к себе приеду,
Сразу в школу загляну
И колхозных ребятишек
Танек, Манек, Федек, Гришек

Я опять учить начну!

– Ну, а я домой приеду,
Говорит сосед соседу,
После фронта отдохну,
Поношу ещё с недельку
Гимнастёрку и шинельку,
Строить в городе начну,
Что разрушено в войну!

– А по мне колхоз скучает,
Третий с полки отвечает,
Мой колхоз под Костромой.
Еду я восьмь сутки
Да считаю всё минутки
Скоро, скоро ли домой!

День и ночь бегут вагоны,
По шоссе идут колонны
Фронтowych грузовиков,
И поют аккордеоны
О делах фронтовиков...

* * *

Не опишешь в этой были
(Не поможет даже стих!),

Как горды солдаты были,
Что народ встречает их,
Их – защитников своих!

И смешались на платформах
С шумной радостной толпой:
Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.

Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой спаситель
Красной Армии солдат!

Всю войну в любом селенье,
В каждом доме и в избе
Люди думали с волнением,
Вспоминали с восхищеньем
И с любовью о тебе.

И везде тобой гордились,
И нельзя найти семьи,
Дома нет, где б не хранились
Фотографии твои:
В скромных рамках над постелью,
На комодe, на стене,
Где ты снят в своей шинели,

Пешим снят иль на коне,
Снят один ли, с экипажем
В обстановке боевой
Офицер ты или, скажем,
Пехотинец рядовой.

Наконец-то в час желанный
Нашей сбывшейся мечты
В час победы долгожданной
В отчий дом вернулся ты!

Но ещё таких не мало
Офицеров и солдат,
Смерть которых миновала,
Но задел в бою снаряд.

Если встретишь ты такого,
Молодого, но седого,
Ветерана боевого
(Знак раненья на груди),
Окажи ему услугу,
Помоги ему, как другу,
Равнодушно не пройди!..

* * *

За дела берутся смело

Молодцы-фронтовики,
И в стране любое дело
Им сподручно, им с руки!

Нужно всех советских граждан
Накормить, одеть, обуть,
Чтобы был доволен каждый
От души, не как-нибудь!

Если раньше "самоходки"
Поставлял иной завод,
То сегодня сковородки
Запустил на полный ход.

И бегут платформы с лесом,
Там – с рудой, а там – с углём,
От Донбасса к Днепрогэсу
Ночь за ночью, день за днём.

Да! У нас одна забота
И мечта у всех одна,
Чтобы к солнечным высотам
Поднялась опять страна

Сильной, славной и могучей
От столицы до села,
Много краше, много лучше,
Чем когда-нибудь была.

Дни сражений миновали,
Мы неплохо воевали
Как солдаты, выполняли
Нашей Родины приказ.
И сегодня, в мирный час,
Дорогая мать-Отчизна,
Положись опять на нас!

* * *

Всем, что Родина имеет,
Сообща народ владеет,
Счёт ведёт полям, лесам,
Нивам, пастбищам и водам,
Шахтам, копиям и заводам
И в пример другим народам
Управляет ими сам!

И у нас стоят у власти
Не помещик, не банкир,
А простой рабочий – мастер
И колхозный бригадир.
Выбираемый народом
Наш советский депутат
Не дворянским знатен родом
И не золотом богат.

Он богат своей свободой
И сознанием того,
Что от имени народа
Он вершит судьбу его!
Он богат своей любовью
К той земле, что в грозный час,
Окропив своею кровью,
Он, как мать родную, спас.

Соберутся две палаты,
Сядут рядом депутаты:
Белорус и армянин,
Украинец, молдаванин,
Осетин, казах, татарин,
И эстонец, и грузин
Все народы, как один!

Их не мало соберётся,
Сыновей и дочерей:
И солдат, и полководцев,
И других богатырей!..

С нашей партией любимой
Мы нигде не делимы.
За народ стоит она,
С нею Родина сильна.

Кто сегодня неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,

Тот, кто любит свой народ
И за партией идёт,
Кто хоть что-то делать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живёт!

Так поможем нашей власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На родной своей земле!

Иван Никитин

Русь

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу – даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах

Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,

Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей – стола,
Меча – недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,

Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалась,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову.

1851 г.

Владимир Одоевский

Мороз Иванович

*Нам даром, без труда ничего не достается, —
Недаром исстари пословица ведётся.*

В одном доме жили две девочки: Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка, рано вставала, сама без нянюшки одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодезь за водой ходила. А Ленивица между тем в постельке лежала; уж давно к обедне звонят, а она ещё всё потягивается: с боку на бок переваливается; уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки»; а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, да и сядет к окошку мух считать, сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело; сидит горемычная и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыпет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да ещё рукодельную песенку затынет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, тут, смотришь, и вечер, – день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодезь за водой, опустила ведро на верёвке, а веревка-то и оборвись, упало ведро в колодезь. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье, а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй. Сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего делать было; пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну.

Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась – смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом об-

жарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт.

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идет она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

– Мы, яблочки, наливные, созрелые, корнем дерева питались, студёной водой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; потряхнёт головой – от волос иней сыплется, духом дохнёт – валит густой пар.

– А! – сказал он, – здорово, Рукодельница; спасибо, что ты мне пирожок принесла: давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

– Знаю я, зачем ты пришла, – говорил Мороз Иванович, – ты ведро в мой студенец опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, – прибавил Мороз Иванович, – мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько

перину.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был изо льду: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело как бриллианты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего. Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут; и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего – работают бедные люди.

– Ничего, – сказал Мороз Иванович, – только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

– Вот ты говоришь, – сказала она, – что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет Божий не выпускаешь?

– Не выпускаю, потому что ещё не время; ещё трава в силу не вошла. Добрый мужичок её осенью посеял, она и вошла, и кабы вытянулась она, то зима бы её захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я, – продолжал Мороз Иванович, – и прикрыл молодую зелень мою снежной периной, да

еще сам прилѣг на неѣ, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придѣт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно мужик соберѣт да на мельницу отвезѣт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечѣшь.

– Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, – сказала Рукодельница, – зачем ты в колодце-то сидишь?

– Я затем в колодце сижу, что весна подходит, – сказал Мороз Иванович. – Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, от того и вода в колодце студѣная, хоть посреди самого жаркого лета.

– А зачем ты, Мороз Иванович, – спросила Рукодельница, – зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

– А я затем в окошки стучусь, – отвечал Мороз Иванович, – чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещѣ я в окошко стучусь, чтобы люди не забывали, что они в тѣплой горнице сидят или надевают тѣплую шубку, а что есть на свете нищенские, которым зимою холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы люди нищенским помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила, бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; стол был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целые три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

– Спасибо тебе, умная ты девочка; хорошо ты старика, меня, утетила, но я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе, на память, бриллиантик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколотла бриллиантик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукуреку? кукуреки?!

У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

– Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают. Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай: в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.